

К ИСТОРИИ ФОРМ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ТЪРЕ (ТРИЕ), ТРИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Х. ТОТ

Количественное числительное ТЪРЕ (ТРИЕ), ТРИ склонялось по основам на - и употреблялось только во множественном числе. В старославянских памятниках в твор. п. мн. ч. оно обыкновенно имеет форму ТРЪМИ. В известных нам грамматиках старославянского языка¹ и работе А. Е. Супруна² «Старославянские числительные» приводится только эта форма.*

Наряду с формой ТРЪМИ в памятниках восточнославянских языков встречаются и другие формы твор. п. мн. ч. числительного ТРЪЕ (ТРИЕ), ТРИ.

В «Материалах» И. И. Срезневского приводятся следующие формы: ТРЪМИ НЕДЕЛЯМИ** (Нест. Жит. Феод.)³, ТРЕИМИ СВОИМИ ПЕРСТЫ (Жит. Анд. Юр.)⁴, Ф. И. Буслаев в своей Исторической грамматике также приводит формы с ТРЕ-: СО ТРЕИМИ ТЫСЯЧАМИ (Ипатьевск. сп.)⁵, ТРЕИМИ ЕЛМИ (Грамота 1519 г.)⁶. Последние формы не обнаруживаются в исторических грамматиках русского языка А. И. Соболевского⁷, П. С. Кузнецова⁸. Не находим их в исторической грамматике В. И. Борковского и П. С. Кузнецова⁹.

У исследователей русского языка можно отметить еще и другие варианты твор. п. мн. ч.

А. И. Соболевский привел в своих лекциях по истории русского языка фор-

* Автор выражает глубокую благодарность А. Супруну за его ценные советы.

** По техническим причинам вместо букв «ять», «юс малый» напечатаны Е (курсивным шрифтом) и Я (курсивным шрифтом).

¹ Напр.: Р. Diels: *Altkirchenslavische Grammatik*, Heidelberg., 1932, стр. 217.

² А. Супрун. Старославянские числительные. Фрунзе., 1961, стр. 49.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. т. III, СПб., 1903, стр. 992.

⁴ И. И. Срезневский. Указанная работа, стр. 995.

⁵ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского я-а. М., 1907, стр. 240.

⁶ Ф. И. Буслаев. Указанная работа, стр. 240.

⁷ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М. 1907, стр. 166, 208, 222.

⁸ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика. М., 1953, стр. 172.

⁹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика. М., 1963, стр. 239.

му *ТРЫМА* из западно-русской грамоты 1475 г.¹⁰ Приведенный им вариант, несомненно, является отражением белорусского произношения *ТРЫМА*. Подобным же образом на белорусский язык указывает форма *ТРИМА ПУТЬМИ*, встречающаяся в Летописи Аврамки¹¹.

В Исторической морфологии русского языка *А. А. Шахматова*, наряду с приведенной из Летописи Аврамки формой, встречается еще один, заслуживающий нашего внимания вариант: *СО ТРИМИ ПРИСЕЛКИ* (Краковская гр. 1388 г.)¹² Помимо этой формы *А. А. Шахматов* указывает на вариант *ТРЕМА*: *ТРЬМА МЕР* (Пант. ев.)¹³.

Как видим, наряду с этимологически правильной формой памятникам восточнославянских языков известны и другие варианты: *ТРЕМА*, *ТРЕИМИ*, *ТРИМА*, *ТРИМИ*.

Рассмотрев перечисленные выше варианты твор. п. мн. ч. числительного *ТРЬЕ* (*ТРИЕ*), *ТРИ*, мы более подробно остановимся на последнем.

А. А. Шахматов, приводя форму с основой на *ТРИ-*, объясняет и ее возникновение, указывая на то, что она возникла под влиянием формы им. п. женского и среднего родов. Но он не исключает и возможности фонетического объяснения формы *ТРИМИ* из *ТРЬМИ*, как это явствует из его примечаний в скобках.¹⁴

Относительно приведенных *А. А. Шахматовым* данных можно сделать следующие выводы:

1) Вариант *ТРИМИ* цитируется из довольно позднего источника (XIV в.).

2) Встречается в памятнике сформировавшегося языка украинской народности.

Таким образом, в Исторической морфологии *А. А. Шахматова* не находим примеров на данный вариант из памятников более раннего периода, ни из памятников более поздних времен (русского языка). Не приводит он данных на эту форму из говоров русского языка.

Кроме названного источника, в отдельных украинских грамотах XIV в. встречается форма: *ТРИМИ СТРЕЛЦИ* (Гр. 1377 г.)¹⁵.

Форма *ТРИМИ* встречается, однако, в памятнике, написанном в более раннюю эпоху. В Евангелии № 104 Румянцевского Фонда ГБЛ имеется — по нашим сведениям — до сих пор не отмеченная форма *РАЗОРЯЯ И ЦРКВЬ ТРИМИ ДНЬМИ СЪЗИДАЯ* л. 155. Чтобы определить, можно ли данную форму считать действительно достоверным указанием на существование вариан-

¹⁰ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 208.

¹¹ Е. Ф. Карский и др. Особенности языка и письма рукописного сборника XV в., именуемого летописью Аврамки. (Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 368.)

¹² А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 304.

¹³ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 301.

¹⁴ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 304.

¹⁵ О. П. Безпалько. Исторична граматика української мови. Київ., 1957, стр. 309.

та твор. п. мн. ч. числительного ТРЪЕ (ТРИЕ), ТРИ, мы должны сделать несколько выводов относительно Евангелия № 104 и его языка.

1) По палеографическим особенностям А. Х. Востоков относит Евангелие-апракос к концу XII в. или началу XIII в.¹⁶

2) Памятник был написан на севере, о чем свидетельствуют частое смешение букв Ц и Ч и употребление сочетаний букв ЖГ на месте общеславянского ždž: ВЪДОВИЧА 636, 1046, 108, ВЪ ДЕСНИЧЮ 154. О ДОЖГІ 87.

3) Язык Евангелия № 104 довольно архаичен. Сочетания tr̥t, t̥lt, tr̥t сохранены и пишутся правильно: ВЪЛКА 736, ДОВЪЛНО 1166.

Нет перехода ъ, ѵ в о, е и в сочетаниях типа tr̥t, t̥lt, tr̥t, t̥lt, как в этом убеждает нас их правильное написание: ПЛЪТЬСКИ 16, ПЛЪТЬ 136, 142, ТРЪСТЬ 133 и пр.

Как можно ожидать и на основании употребления букв ъ, ѵ в сочетаниях tr̥t, t̥lt, нет случаев перехода ъ, ѵ в о, е в сильной позиции, хотя отражение падения редуцированных в слабой позиции можно обнаружить.

4) Буквы е и и в памятнике не смешиваются.

5) Косвенные падежи числительного ТРЪЕ пишутся правильно через ѵ: ТРЪМИ 5, 56, 51, 52, ТРЪМЪ 67, ТРЪХЪ 1276, 1576.

Характеристика языка памятника говорит в пользу нефонетического объяснения интересующей нас формы. Вследствие этого для нас остаются следующие возможности:

1) считать эту форму внесенной из протографа,

2) считать ее опиской,

3) видеть в ней отражение живого языка.

Что касается первой возможности, то мы должны сказать, что в некоторых памятниках XIV-XV вв. псковского происхождения появляется форма ТРИ-МИ, а именно в Сборнике 1348 г., Палее 1494 г.¹⁷

Выдающийся знаток древнепсковских памятников и древнепсковского наречия Н. Каринский эти формы считает болгарским написанием, видя в них отражение среднеболгарских памятников, знающих мену букв е и и¹⁸. Такого рода объяснение формы ТРИМИ в Евангелии № 104 отпадает, если учесть, что для этого памятника не характерна мена букв е и и, что исключает среднеболгарское влияние.

Говоря о второй возможности, мы можем принять ее только в том случае, если нам не удастся найти правильное морфологическое объяснение данного варианта.

Ввиду того, что для объяснения этой формы представляется возможность морфологического объяснения (о чем будет речь ниже), в этом написании можно видеть отражение живого русского языка той поры, когда Евангелие № 104 списывалось.

К этому выводу мы пришли на основании следующих фактов.

¹⁶ А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. 1842. Под № CIV.

¹⁷ Н. Каринский. Язык Пскова и его окрестности в XV в. СПб., 1909. стр. 159.

¹⁸ Н. Каринский. Указанная работа, стр. 158.

Памятниками, легшими в основу литературных языков украинской и белорусской народностей засвидетельствованы формы на *ТРИ* с конца XIV в. Такие формы по *А. А. Шахматову* возникли путем ассоциативной связи между формами именительного падежа и формами косвенных падежей¹⁹. Если такого рода ассоциация действительно вызвала появление варианта *ТРИМИ*, то можно допустить, что такая связь между формами этого числительного могла установиться уже раньше XIV века. О том, что определенные ассоциации между формами мужского и женского рода могли возникнуть в XI—XII веке, говорят случаи употребления формы им. п. женского рода в функции мужского рода: *ТРИ ДРУЗИ* Свят. сб., *ТРИ БРАТЬЯ* Пат. Синайск.²⁰

Как показывают данные, собранные *Г. И. Матвеевой*, некоторые диалекты современного великорусского языка имеют вариант с основой *ТРИ: ТР'ИМ'И* — Смол. обл., д. Лоскогово, *ТРИМИ* — Ниж. губ., Конатуровск. вол., *ТРИ-МИ* Курск. обл., с. Износково²¹. (Не исключена возможность, что при дальнейшем исследовании будут обнаружены такие формы и в иных говорах русского языка).

Г. И. Матвеева собранные ею диалектизмы объясняет также морфологически: влиянием именительного падежа на формы косвенных падежей.

По ее же мнению, эти варианты «встречаются очень редко, возникли они сравнительно недавно и не связаны с определенной территорией.»²²

Если сравнить между собой данные, введенные в научный оборот *Г. И. Матвеевой* и форму Евангелия № 104, то возникает вопрос, можно ли видеть в них отражение общего морфологического процесса, вызывающего к жизни эти варианты. Объяснение *А. А. Шахматова*²³ относительно появления формы *ТРИМИ* в памятниках XIV в., по нашему мнению, применимо и к памятнику XII—XIII вв.

Аргументацию *А. А. Шахматова* о морфологическом начале изучаемого варианта можно подкрепить еще одним моментом.

Известно, что достоверные примеры употребления вин. п. мн. ч. м. р. в функции им. мн. встречаются в памятниках XIII в. преимущественно северного происхождения²⁴. Евангелие № 104 было переписано на севере и ему известны некоторые случаи употребления вин. п. мн. ч. м. р. в функции им. п. мн. ч.: *МЫТАРЕ И ЛЮБОДЕИ ЖЕ И ЛЮБОДЕИЦА ЯША ЕМОУ ВЕРОУ* 426, *СТАРЕИШИНЫ ЖЬРЬЧЬСКИ ВЪСТАВИША НАРОДЪ* 1126, *СЪВЕЦАША ЖЕ СТАРЕИШИНЫ ЖЬРЬЧКИ И КНИЖЬНИКЫ* 128.

Таким образом, наряду с ассоциативной связью со стороны им. п. мн. ч. м. р., можно предполагать такую связь и между формами косвенных падежей и формой вин. п., которая была общей, безразличной к роду формой.

¹⁹ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 304.

²⁰ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 194.

²¹ Г. И. Матвеева. Числительные два, три четыре в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». т. I. М., 1959, стр. 92.

²² Г. И. Матвеева. Указанная работа, стр. 92.

²³ А. А. Шахматов. Указанная работа, стр. 304.

²⁴ А. И. Соболевский. Указанная работа, стр. 194.

Не исключено, что именно на севере как следствие употребления вин. пад. мн. ч. м. р. в функции им. п. мн. ч. м. р. и как следствие ассоциативной связи им. падежа с косвенными падежами возникла *общая форма для всех родов в им.-вин. падеже с основой на ТРИ-*, которая в одних диалектах древнерусского языка потом обобщалась в твор. п., в то время как в других обобщалась аналогическим путем основа *ТРЕ-*. Таким образом в формах, встречаемых в XIV в., можно видеть дальнейший остаток предполагаемой древнерусской формы в отдельных говорах языков, формировавшихся восточнославянских народностей. В результате этого предположения отпадает и возможность фонетического объяснения форм *ТРИМИ* и *ТРИМА* из *ТРЬМИ* в памятниках украинского и белорусского языков.

Подводя итоги наших наблюдений, мы считаем возможным предполагать, что древнерусское *ТРИМИ*, с одной стороны, и *ТРИМИ* в современных русских говорах с другой, возникли вследствие одного и того же морфологического процесса и, таким образом, в современных русских диалектных формах с *ТРИМИ* можно видеть продолжение древнерусской диалектной формы.